

Разгром убыхами Береговой линии и экспедиция ген. Анрепа (1840–1841 гг.)

Как снег на голову, свалилась весть, что 7 февраля 1840 г. укрепление Лазаревское (на Пезуапе) горцами взято. Насколько это было неожиданным для царского командования, видно из того, что на рапорте об этом событии сделана надпись: «Не может быть!». Но факт оставался фактом.

Случилось это так. Убых Мусса Шоген, похитив девушку, бежал от преследования ее родственников в Лазаревское укрепление, где и прожил три месяца. За это время он вошел в такое доверие, что свободно уходил ночью, воровал скот и пр. Решив возвратиться домой, Мусса Шоген, чтобы получить примирение с обиженным родом, пообещал передать убыхам лазаревское укрепление.

В это самое время партия убыхов до 1000 человек собиралась к набегу на Абхазию. Предложение Муссы Шогена было принято. Партия, пополнившись еще 2–5 сотнями человек, порешила отложить абхазский набег и немедленно идти к Лазаревскому. Подавляющую массу в собравшейся партии представляли убыхи. Кроме них, приняли участие шапсуги, абдзахи и натхуаджи. Возглавили поход Хаджи-Догомуко Берзек и его племянник Биарслан Берзек.

6 февраля из укрепления Головинского видели большие группы убыхов, направлявшихся в сторону Лазаревского. По официальным данным⁶¹, в последнем было 4 офицера, 160 солдат и около 80 азовских казаков. В их числе было около 80 больных. В ночь на 7 февраля горцы скрытно подошли к укреплению, убили часовых и захватили три фаса. Гарнизон выскочил полуодетым и стал защищаться, но, дав лишь 5 оружейных выстрелов, пал под шашками убыхов. Бой длился только 15 минут. За исключением 30 человек, сдавшихся в плен, весь гарнизон был уничтожен. Засевшие отдельно азовские казаки дали 10 оружейных выстрелов, после чего, под напором горцев, половина из них была убита, а другая половина — взята в плен. Горцы потеряли, по явно преувеличенным сведениям выкупленного из плена солдата, убитыми 150 человек, а ранеными до 1500 чел. [т.е. выходит, что все были ранены. Явная чепуха!]. Вечером того же дня убыхи с песнями прошли мимо Головинского укрепления. На Сочи состоялось народное собрание, которое, под впечатлением победы, вынесло решение не расходиться по домам и напасть еще на одно из береговых укреплений. Выбор сперва пал на укрепление Навагинское,

⁶¹ Предупреждаем, что почти всегда к приводимым нами цифрам нужно относиться с большим сомнением. Командиры Кавказской армии имели склонность обычно преувеличивать число противника и его жертвы, и преуменьшать число и жертвы собственных войск. — Л.Л.

но потом план был изменен⁶². Не успело царское командование опомниться от известия о падении Лазаревского, как его ошеломила другая весть — 29 февраля того же года 7 тысяч убыхов и прибрежных шапсугов взяли укрепление Вельяминовское на Туапсе. По официальным данным в нем находилось 300 человек. Когда горцы подошли к укреплению, то прежде, чем начать штурм, выслали парламентаром уорка Кознзаея, который потребовал сдачи гарнизона. Начальник ответил отказом. Тогда в ночь на 29 февраля горцы скрытно расположились в ложине. На рассвете, не замеченные часовыми, они бросились к воротам, силою выломали их, ворвались в укрепление и там вступили в рукопашный бой. Гарнизон, оправившись от первоначальной паники, вытеснил было горцев из территории укрепления. Но новая атака их сломила сопротивление, и укрепление было взято. Горцами были пощажены и взяты в плен: офицер, около 15 солдат, несколько больных и поп в ризах, схваченный в церкви у престола. Остальные были изрублены⁶³.

Командование Кавказской армией всполошилось. Боясь удара убыхов на Абхазию, что могло повлечь за собою особенно неприятные для него последствия в Закавказье, оно срочно посылает к асадзуа-абхазской границе на р. Бзыбь один батальон с двумя пушками.

А тем временем убыхи не расходились и готовились к штурму третьего укрепления. Сперва было решили напасть на укрепление Св. Духа, а потом изменили это решение. И вот, 22 марта убыхи, совместно с шапсугами, взяли укрепление Михайловское на р. Вулан. В ночь на 21 марта они обложили укрепление и, когда по ним был открыт артиллерийский огонь, бросились с лестницами на приступ. Горцы в ряде мест вскочили уже на вал, но не удержались и покинули занятые было позиции. Убыхи стали обвинять шапсугов в трусости, в бегстве из боя. Дело между ними чуть не дошло до битвы. Но потом военачальники обоих племен пришли к соглашению. Было решено вторично бросить на приступ пехоту, а конных, стоявших до этого в отдалении, придвинуть ближе, с тем чтобы они беспощадно рубили всякого, кто повернется к врагу спиной. Поставленная между двух огней пехота «отчаянно, с потрясающим душу гиком» бросилась на новый штурм, и одновременно вскочив в нескольких местах на бруствер, отбросила гарнизон за траверс, где он засел за бревна и бочки в кавалер-батарее. Начался пожар. Через два часа стрельба прекратилась. Гарнизон (500 человек) был уничтожен, за исключением 80 человек, попавших в плен (в числе последних — I офицер и I монах). Горцы вскочили в построения, а часть из них стала сбивать замок порохового погреба. В этот момент произошло неожиданное: раздался страшный взрыв погреба, и сотни горских трупов покрыли собою взятое

⁶² Акты... IX, с. 480—481; *Фелицын Е.Д.* Документы; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе, X, Тифлис, 1886, с. 232 и др.; *Шербина Ф.*, с. 363, 364; *Эсадзе Б.С.*, с. 69.

⁶³ *Юров А.* Там же, с. 237—239; *Фелицын Е.Д.* Материалы, № 5.

ими укрепление. Дело в том, что перед штурмом солдат Архип Осипов засел в пороховом погребе с целью взорвать его в критическую минуту Михайловского укрепления, что и было выполнено. Царское командование распространяло весть, что при этом взрыве погибло до 3 тысяч горцев, но если эта цифра преувеличена, то все же следует признать, что жертв было очень много. Это сразу понизило боевой дух шапсугов, которые отделились от убыхов и разошлись по домам, чему способствовали старые межплеменные счеты. Убыхи, оставшись в одиночестве и зная о принятых в Черноморской береговой линии мерах предосторожности, не решились нападать на другие укрепления и возвратились домой⁶⁴.

23 и 24 марта убыхи производили попытку взять Навагинское, но на это у них уже не хватило силы и решимости, да и гарнизон укрепления был теперь значительно сильнее, чем прежде⁶⁵.

Несмотря на ссору между убыхами и шапсугами так называемой Малой Шапсугии, они, не оставляя военного задора, писали натхуаджам: «Вы правоверные и тем тщеславитесь перед нами, называя нас поклонниками дерев, но мы, идолопоклонники, дело свое начали — бог благословил нас, и мы взяли три укрепления. О чем же думаете вы, правоверные? И не стыдно ли оставаться в бездействии. Теперь наша очередь величаться перед вами». Натхуаджи ответили: «Мы — правоверные и это докажем; начинаем дело с тем, чтобы превзойти ваши успехи или самим лечь, а жен своих оставить на поругание русским»⁶⁶.

Призыв к натхуаджам и их ответ не остались безрезультатными. Они, при участии шапсугов, 30 марта 1840 г. взяли еще одно (четвертое) укрепление — Николаевское.

Весть об убыхских победах воодушевила и абдзахов. На р. Курджипс они составили большую партию [будто бы до 12 тысяч человек], к которой присоединились и шапсуги, и убыхи. 26 мая ими было произведено нападение на Абинское укрепление. «Ожесточенно с шашками наголо и с кинжалами в зубах» горцы, под градом пуль, картечи и ручных гранат, бросились на штурм. Большие потери в людях не остановили их напора. Имея впереди себя панцырников, горцы с «явным пренебрежением к смерти» спускались в ров и быстро вскакивали на бруствер. Но укрепления все же не взяли. Гарнизону достались 2 знамени (шапсугское и натхуаджское) и 10 раненых; в укреплении и во рву было подобрано 685 горских трупов⁶⁷.

События февраля и марта 1840 года имели большое историческое значение для убыхов, абдзахов, шапсугов и натхуаджей. Несмотря на

⁶⁴ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы, с. 239–247; Акты... IX, с. 481,482; Эсадзе Б., с. 73 и др.; Мирославский Иосиф. Взрыв Михайловского укрепления в 1840 г. // Кавказский сборник, т. IV, Тифлис, с. 3–11, 16, 17.

⁶⁵ Щербина Ф., с. 365.

⁶⁶ Щербина Ф., с. 366, 367.

⁶⁷ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы, с. 251–253.

проявление некоторого межплеменного антагонизма, все-таки совместные выступления разных племен против царской России под идейной и материальной гегемонией убыхов явились прообразом будущего межплеменного объединения горцев в 1860-х годах, когда гегемоном последнего выступили опять-таки убыхи. Участники описанных выше событий, покинув свои дома, клялись не расходиться, пока не падут и другие укрепления. Страдная пора не уменьшила горские полчища, так как было решено, несмотря на голод, не засеять полей в этом году. Сам внешний вид горских военных скопищ стал принимать характер порядка и дисциплинированности. Каждое племя с особым значком составляло особую дружину, делившуюся в свою очередь по территориальному признаку на сотни и десятки под предводительством храбрейших джигитов, которым все беспрекословно повиновались. Нападения производились общими организованными силами по предварительному совещанию военачальников. Каждая войсковая часть получала определенные тактические задания, каждому бойцу указывалось его место. Захватываемые запасы продуктов распределялись правильно по общинам, а орудия, ядра и иногда порох поручались на сохранение виднейшим старшинам. Горцы имели в виду завести собственную артиллерию. Настроение населения было приподнятое, и оно служило хорошей почвой для проповеди «газавата» (священной войны) против «гяуров» (неверных)-захватчиков. Духовенство разъезжало по ущельям и, ссылаясь на какой-то стих алькорана, пророчило, что 1840 год должен стать годом полного торжества ислама над неверными. По горам ходили всевозможные воззвания, призывавшие к оружию, обещавшие турецкую и европейскую помощь горцам и пр. Командующий войсками на Кавказе, генерал-адъютант Граббе рапортовал военному министру от 7 апреля 1840 г.: «До какой степени в последние два месяца изменилось положение закубанских племен. Не нова их непримиримая вражда к русским, их дикое и буйное мужество, но новы эти впервые обнаруживающиеся признаки народности, единодушия восстания, порядок и устройство, являющиеся в их скопищах, повиновение избранным начальникам, новые средства, придуманные ими для борьбы с русскими, и согласное стремление к одной общей цели. Последние события (взятие укреплений. — Л.Л.) начинают для этого края новую эпоху, совершенно отличную от прежних времен — эпоху войны народной, а не действий против хищнических партий, увлекаемых желанием грабежа. Конечно, ныне заметны только начала устройства и единства <...> которые могут быть усмирены силою оружия <...> Но я считаю долгом своим поспешно донести в.с. потому, что опыты прошедших времен довольно доказали, какие перевороты могут произвести подобные начала, если из пренебрежения к неприятелю не будут приняты немедленно все меры, чтобы остановить это восстание»⁶⁸.

⁶⁸ Акты... IX, с. 252, 253.

Во главе убыхских военных предприятий стояла местная племенная знать [куашха], среди которой непосредственное руководство войсками принадлежало выдающемуся деятелю того времени — Хаджи-Догомуко-Берзеку⁶⁹. Таким образом, в событиях 1840 г. мы видим совместные выступления куашха и вагышей. Насколько такой союз был крепок, явствует уже из того, что в октябре 1840 г. представители куашха извещают царское командование о предполагаемом нападении горцев на возобновленное Лазаревское укрепление⁷⁰, а из дальнейшего изложения картина станет еще более ясною; но нам нужно для восстановления исторической истины констатировать, что во время укреплений горских позиций в освободительной войне куашха стали на сторону силы, на сторону своих свободных общинников. Возглавив народные массы, куашха хотели нажить этим политический багаж и укрепить свое положение среди одноплеменников.

После блестящих убыхских побед командование спешно принимает ряд мер: начальники заменяются новыми, усиливаются гарнизоны еще не разрушенных укреплений и т.д. План дальнейшего занятия отдельных пунктов побережья был брошен; вместо него приступили к возобновлению разрушенных укреплений.

А убыхи не успокаивались. Они продолжают вести войну с царской Россией всеми возможными средствами. В мае и июне 1840 г. они постоянно тревожат гарнизоны Навагинского укрепления. Один раз они открыли огонь из двух орудий с ближайших к укреплению высот. Неопытность в артиллерийском деле не позволила им в полной мере использовать пушки: около 150 выпущенных ядер, сделав ряд пробоев в казарменных помещениях, не причинили существенного вреда войскам⁷¹.

Не была оставлена мысль о разгроме всей Черноморской береговой линии. Со всех концов ползли к царскому начальству слухи, что «приморские горцы и в особенности сильное племя убыхов» имеют твердую волю снова штурмовать укрепления⁷². На этот раз убыхи выбрали ареною своих действий противоположную сторону — Абхазию. В конце августа на Сочи собралось около 7000 убыхов с некоторым количеством и из других племен. Эту партию возглавил Хаджи-Догомуко Берзек. Аблагуо отказался принять участие в походе. Было решено отправиться походом в Абхазию, поднять на восстание абхазов и совместными силами взять одно из укреплений того края. Ставка на поддержку местного населения не была фикцией — весть о походе убыхов всколыхнула Абхазию. Жи-

⁶⁹ Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // Военный сборник. 1874. № 9, с. 10; *Берзе Ад*. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г.

⁷⁰ Щербина Ф., с. 325.

⁷¹ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы, с. 248.

⁷² Акты... IX, с. 417.

тели Верхней Цебельды стали строить завалы с тем, чтобы по прибытии убыхов поднять оружие против царской России и присоединиться к ним. Жители остальной Абхазии, несмотря на старые племенные их счеты с убыхами, возможно, также примкнули бы к ним. По пути в Абхазию убыхи задержались в Цандрипше для разорения покорной России асадзуаской аристократической фамилии Цанбаевых. Карая русофильскую знать, убыхи упустили благоприятный момент. Этим воспользовалось царское командование и поставило войска в Бомборах и на Бзыби, укрепив лагерь на Бзыби завалами. Цебельдинцы же не решились восстать до прибытия убыхов, и, таким образом, царские войска имели возможность подготовиться к встрече противника. Увидав свою ошибку, убыхам не оставалось ничего другого, как разойтись по домам, не дойдя до границы Абхазии. Владетель последней, князь М. Шервашидзе, решил отомстить убыхам за намерение вторгнуться в Абхазию. Он собрал 500 милиционеров, посадил их на 10 галер и поплыл к берегам Убыхии, чтобы уничтожить прибрежные селения. Но разыгравшаяся буря вынудила абхазов вернуться домой, не исполнив своего предприятия⁷³. Абхазское крестьянство, воодушевленное победами убыхов и с надеждой на возможную их помощь, восстало в Кодорском районе⁷⁴.

После неудачи убыхского похода на царские укрепления в Абхазии, политические связи обеих районов [Убыхии и Абхазии] не прекратились, что не один еще раз увидим ниже. Между прочим, во второй половине 1840 г., после волнений в Цебельде, представитель антироссийского направления Эсшау, спасаясь от преследования своих врагов, бежал к убыхам, которых он призывал на помощь Цебельде, боровшейся за свою независимость⁷⁵.

Царское командование, перепуганное событиями начала 1840 года, боялось повторения их в предстоящую зиму 1840—1841 г. на территории Абхазии. Начальник Черноморской береговой линии, генерал Раевский, прося подкрепления через военного министра, восклицает: «Я не знаю, что делается с Абхазией, если Хаджи Берзек обратится на нее с 15 тысячами человек, как в прошлом году на береговые укрепления». «Вторжение Хаджи Берзека будет сигналом восстания, которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии и подвергнет разорению ту и другую». После ходатайства Раевского гарнизоны Абхазии были усилены линейным батальоном (4 роты) и, кроме того, в качестве резерва береговой линии в Новороссийске поставлен пехотный полк (4 батальона). В январе 1841 г. Восставшие дальцы (абхазы по р. Кодор) были раз-

⁷³ Акты... IX, с. 496, 449, 450; *Берже Ад*. Краткий обзор, с. 274; Рапорты Раевского от 16 июля и 17 октября 1840 г.; *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М.; Л., 1935. Кн. 4, с. 151.

⁷⁴ *Фадеев А.* Убыхи, с. 152.

⁷⁵ Акты... IX, с. 496.

громлены царскими войсками⁷⁶. А убыхи не оставляли своей борьбы с царской Россией.

В первых числах ноября 1840 года шапсуги, убыхи и абдзахи собрались на р. Белой с тем, чтобы в том же месяце, после праздника байрама, разделиться на две партии: одной (пешей) обложить одно из укреплений новой Лабинской кордонной линии, а другой (конной) совершить ряд набегов на станицы между реками Кубань и Лаба. По словам офицера, выкупленного в это время из плена у убыхов, эти планы горцев были в прямой связи с деятельностью Шамиля в Дагестане, который после побед убыхов на побережье прислал на северо-западный Кавказ свои воззвания с призывом к газавату. Командующий Лабинской кордонной линией, генерал Засс, прослышав о сборах на р. Белой, усилил новыми войсками свою линию, и горцы, не видя смысла при изменившихся условиях нападать, разошлись по домам⁷⁷. С первых же чисел 1841 года Хаджи-Догомуко Берзек пытается организовать вторичный разгром Черноморской береговой линии. 5 января он возглавил партию убыхов и шапсугов (до 2000 человек), с которой совершил нападение 5 января на Вельяминовское укрепление, но дело ограничилось небольшой перестрелкой и захватом горцами нескольких лошадей и буйволов, принадлежавших гарнизону. 8 января в полночь они произвели более упорный штурм этого укрепления. Когда первая их атака оказалась отбитой, они повторили ее против каменной башни, но также вынуждены были отойти на исходные позиции⁷⁸.

17 января 1841 года убыхи принимают участие в объединенной партии из шапсугов, абдзахов и натхуаджей, совершившей нападение на земли Черноморских казаков. Они переправились через р. Кубань в районе Великолагерного поста и напали на Елинский пост и станицу Марьинскую. По поднятой тревоге к месту нападения прибыли казачьи отряды, и горцы вынуждены были, отстреливаясь, отойти назад за Кубань⁷⁹.

Хаджи-Догомуко Берзек сзывал под свои знамена шапсугов и асадзуа для нового штурма береговых укреплений. По его указанию известный куашха Омар Чиземогуа выстроил три галеры для борьбы с байдаками азовских казаков. Хаджи-Догомуко, собрав до 3000 горцев, решил ударить по укреплению Лазаревскому и одновременно совершить выступление по всему фронту береговой линии. Около 1000 человек под предводительством Керендука Берзека были отправлены для вторжения в Абхазию. Несмотря на то, что князь М. Шервашидзе занял со своим отрядом проходы в Абхазию, убыхи, преодолев снежные горы, напали 10 февраля на сел. Отхара. В сражении убыхи потеряли 3-х ранеными,

⁷⁶ *Фадеев А.* Убыхи, с. 152–153.

⁷⁷ *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы, с. 375–376.

⁷⁸ *Н.В.* XIII, с. 362–364.

⁷⁹ *Щербина Ф.*, с. 287.

а абхазы — 5 убитыми, 7 ранеными и 12 пленными. На обратном пути 12 и 16 февраля убыхи делали попытки штурмовать Гагры, но были отбиты⁸⁰.

Одновременно с походом на Абхазию основные силы подступили к Лазаревскому укреплению. 11 февраля передовой отряд горцев около 500 человек, будучи обнаружен высланной из укрепления командой, вступил с нею в бой и отбросил ее за ворота. 12 и 13 февраля горцы произвели две атаки самого укрепления, во время которых были уже у самого гласиса, но оба раза усиленный огонь артиллерии вынуждал их отходить назад. 14 февраля произошла схватка из-за пасшегося у вала порционного скота. Того же числа горцы, устроив на левом берегу р. Псезуапе батарею, дали по Лазаревскому 17 выстрелов, но они оказались недостаточно меткими. 15 февраля осада укрепления была снята. В это же время было произведено нападение убыхов и на Навагинское укрепление. Его гарнизон, как и гарнизон Головинского укрепления, они предварительно держали в постоянной тревоге, производя частые ночные обстрелы⁸¹. 10 февраля Навагинское укрепление было обстреляно несколькими ядрами из имевшихся у убыхов орудий. По производстве этой артиллерийской подготовки убыхская пехота бросилась на штурм, но картечный огонь из укрепления остановил их атаку и заставил отступить. Через четыре дня после этого группа убыхов атаковала высланную из Навагинского команду, намеревавшуюся рубить дрова, и ранила двух солдат. Попытки штурмовать Навагинское возобновлялись ночью 20 и 21 февраля, но оба раза убыхам пришлось отступить из-за действия огня артиллерии противника. 26 февраля была снова схватка их с командой дровосеков.⁸²

28 марта созданные по инициативе Хаджи-Догомуко Берзека боевые горские галеры выдержали первую схватку с морскими силами своего противника. Бой произошел между азовскими байдаками и двумя горскими судами. Одно из них было «какой-то странной конструкции, но ближе всего подходило к шхуне; кроме парусов, оно имело по десяти весел на каждом борту, было вооружено двумя орудиями — шестифунтовым и трехфунтовым — и обиловало значительным числом вооруженных людей». На правой стороне этой галеры висел баркас. Другая галера была «такой же величины, но с одной мачтой». Длительный бой, в который первыми вступили азовские казаки, не дал им никаких положительных результатов. Огонь корабельной горской артиллерии отогнал казацкие баркасы.

Но в этот же день, 28 марта, около Новороссийска контр-адмирал Серебряков захватил торговую кочерму, направлявшуюся в Убыхию

⁸⁰ Н.В. XIII, с. 366–368; см. также: *Фадеев А.* Убыхи, с. 153, у которого нападение на Отхара указано 15 февраля, а на Гагры — 20 февраля.

⁸¹ Н.В. XIII, с. 366; *Фадеев А.* Убыхи, с. 154.

⁸² Н.В. XIII, с. 369–370.

[к Хизе]. Серебряков захватил на борту «убыхского узденя Ибрагим-Мусы» 13 сопровождавших его турок, 1050 пудов соли, сотню пуль, английскую сталь и прочие товары⁸³.

6 апреля около полусотни конных убыхов бросились на порционный скот, пасшийся у самого вала Навагинского укрепления. Здесь же, за валом, находились две высланные команды. Убыхи стремительным ударом опрокинули команду, одного убили, троих ранили и, захватив 14 голов скота, безнаказанно ускакали, несмотря на огонь артиллерии и преследование. За этот бой воинский начальник Навагинского подполковник Посыпкин разгневанным начальством был арестован⁸⁴.

Весною 1841 года у жителей Вордане не хватило хлеба до нового урожая. Сочинцы [очевидно в порядке взаимопомощи] решили отправить голодающим кочерму кукурузы. Может быть, все и обошлось бы благополучно, но «сочинский житель черкесский дворянин Каблуг» предал намерение своих сограждан. И вот 3 мая в 10 часов вечера кочерма наткнулась на поджидавший ее байдак азовских казаков. Завязался более чем двухчасовой морской бой. Казаки громили кочерму ядрами, картечью и ружейным огнем, а убыхи отвечали только последним. На кочерме находилось 37 человек «под начальством убыхского князя [из Вордане] Тати Татлестана». Они геройски оборонялись против численно и технически превосходного противника. Когда казаки, пристав к борту, бросились на абордаж, то убыхи вступили в рукопашную борьбу и, видя явный перевес успеха на сторону казаков, стали бросаться в море, хотя хорошо понимали, что это означает смерть, так как берег был далек даже для хорошего пловца. «Казаки, — рассказывает Волконский, — пробовали их брать живьем, но озлобленные убыхи, хватаясь за весла, в то же время с ожесточением старались их поражать своими шашками». В результате боя казаки взяли кочерму, оказавшуюся азовским байдаком, захваченным убыхами при взятии Лазаревского укрепления. Лишь 9 человек убыхов попали в плен, из которых 5 человек были ранены; кроме того, на дне кочермы лежало 5 убыхских трупов [в том числе, и зарубленный Татлестан]; остальные 23 человека предпочли утопиться, чем попасть в плен. В то время, когда происходил этот морской бой, на берегу шло сражение между высланным для прикрытия казаков пехотным резервом и группой убыхов, сбежавшейся на выстрелы. Убыхи бросились к береговому блокаду, где обычно приставали русские байдаки, с целью овладеть байдаком, когда он возвратится к берегу. Хотя артиллерийский огонь не допустил их к блокаду, но казаки не посмели пристать к берегу до самого утра⁸⁵.

⁸³ Там же, с. 371–373.

⁸⁴ Там же, с. 379–381.

⁸⁵ Там же, с. 387–389.

Тем временем, в конце 1840 года, прибрежная асадзуаская знать, пользуясь племенной враждой своего народа с убыхами, приняла присягу на покорность царской России и этим думала обеспечить себя от проникновения в Асадзуа демократических идей, носителями которых были черкесские тлхукотли и убыхские вагыши⁸⁶.

В деле измены освободительной борьбе асадзуаской племенной знати большую роль сыграл давно принявший сторону России М. Шервашидзе, который, по словам генерал-майора Анрепа, «не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами (т.е. асадзуа. — Л.Л.)»⁸⁷. Удачно завершив подкуп асадзуаской племенной знати, владетель Абхазии, князь Шервашидзе, пользуясь своими связями с Берзеками, у которых он был воспитан в детстве, приступил к уговорам убыхской знати. И вот 9 мая 1841 года представители последней, во главе с Хаджи-Догомуко Берзеком и Али-Ахметом Аблагуо, встретились в укреплении Св. Духа для переговоров с генералом Анрепом, в присутствии М. Шервашидзе, Каца Маргани и других абхазских аристократов. Среди убыхской знати обнаружилось два крыла: один — за немедленную покорность России [возглавлялось крыло Аблагуо], другое — настроенное более выжидательно, боявшееся немедленной капитуляции [возглавлялось Хаджи-Догомуко Берзеком]. Поведение вождя второго крыла достаточно ясно раскрывается из рапорта самого Анрепа, который говорит, что Хаджи, «опасаясь потерять влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но, с другой стороны, выслушав все обещания владетеля (М. Шервашидзе. — Л.Л.), тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся» (курсив везде наш. — Л.Л.). Его племянник Керендук-Догомуко-Берзек, — говорит тот же Анреп, — дал и мне, и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, что у убыхов не будет такого сора, которое бы могло быть опасно покорившимся».

12 мая того же 1841 года Али-Ахмет Аблагуо принес присягу на подданство царю. Кажется, тогда это же сделал и Зураб Хамыш. Колебавшееся крыло Берзеков не последовало их примеру и прекратило переговоры. Принятие российского подданства асадзуаской знатью и знатью убыхского округа Сочи [Аблагуо и Хамыш] было расценено как большой успех царской политики на Кавказе. Николай I повысил в чинах лиц, содействовавших этому, наградил Шервашидзе орденом Анны I степени и отпустил на подарки вновь принятой в подданство племенной аристократии сумму 39 червонцев и 2311 р. серебром⁸⁸.

Когда предательство племенной знати стало известно вагышам, у последних это вызвало бурю негодования. Возмущение было настолько

⁸⁶ Головин. Обзор положения военных дел на Кавказе // Акты... IX, с. 296.

⁸⁷ Фадеев А. Убыхи, с. 154–155.

⁸⁸ Фадеев А. Убыхи. С. 154–155.

велико, что они, собравшись в значительные толпы, арестовали Али-Ахмета Аблагуо, Зураба Хамыш, самого Хаджи-Догомуко Берзека, Керендука-Догомуко Берзека, какого-то Мурада, который был «житель долины Вардане, известный между убыхами своею храбростью», и ряд других. Под страхом народной расправы когда-то влиятельнейший ахы Аблагуо и куашха Хамыш вынуждены были публично отречься от данной присяги, после чего были освобождены из-под ареста. Что касается Хаджи-Догомуко Берзека, то он был задержан ненадолго и, освободившись, немедленно приступил к даче распоряжений о сборе убыхских воинов для похода на продавшуюся царской России асадзуаскую племенную знать⁸⁹. Эта его поспешность, с какою он приступил к приготовлениям похода, была вызвана желанием снять с себя подозрения в предательстве и тем удержать свой пошатнувшийся авторитет. Таким образом, в этой вспышке борьбы между куашха, тянувшими в сторону феодальных порядков, и вагышами, ревностно отстаивавшими демократизм общин, временно победили последние.

Изменники не ограничивались лишь голым признанием над собою царской власти. Один из асадзуаской знати — Аредба — сам предложил заклепать убыхскую артиллерию. Ночью 15 августа он с двумя солдатами и предателем из убыхов неким Хазачи тайно заклепали три орудия, а четвертое осталось целым лишь потому, что около него оказалась охрана. Вскоре после этого Хазачи сообщил русскому командованию, что в двух километрах от последнего убыхи закопали в песке и щебне орудия, которые были взяты ими во время кораблекрушений в бурю 1838 года [см. выше]. Взятие этих орудий не удалось, так как убыхи провели и поставили караул. Кроме того, они вступили в морской бой в ночь на 23 августа. В этом бою участвовали со стороны царских войск: два азовских байдака и фелюга, вооруженные артиллерией, и две убыхские галеры. Командовал азовцами известный командир их сотник Алейников. В результате боя казаки захватили одну галеру. На галере было 50 человек убыхов, из которых 15 попало в плен, 6 было убито в рукопашной схватке, 9 утонуло и 20 вплавь добрались до берега. Казаки также понесли потери, в числе которых была и смерть самого Алейникова. Его застрелил из пистолета находившийся на галере убыхский ахы, брат Али-Ахмета Аблагуо, который сам после этого пал в неравном бою. Таким образом, в семье Аблагуо не было единства: один брат предавал освободительное движение, а другой сражался на стороне этого движения⁹⁰.

Еще 2 августа группа убыхов и черкесов в числе всего лишь 30 человек, под предводительством Биарслана Берзека, совершила геройскую атаку на 150 человек казаков на правом берегу р. Лабы. Хотя горцев было

⁸⁹ Акты... IX. С. 505-506; *Фадеев А.* Убыхи. С. 157.

⁹⁰ *Н.В.* XIII, с. 418-420.

в пять раз меньше, но они сумели 5 человек убить и 7 — ранить, потеряв сами лишь 3 человек убитыми и 9 человек ранеными. Правда, в числе последних был и сам Биарслан Берзек, для которого рана оказалась смертельной⁹¹.

Если в период разгрома береговой линии царское командование из-за недостатка необходимых войск не смогло снарядить карательную экспедицию⁹², то это еще не значило, что от нее отказались. Думали еще перед восстановлением одного из уничтоженных укреплений «наказать» убыхов, «как главных виновников последних печальных событий»⁹³. Потом Николай I «соизволил <...> произвести при первой возможности строгие и решительные поиски для наказания убыхов», и такую «первую возможность» царь думал найти до осени 1840 года, а местные генералы думали снарядить экспедицию в сентябре месяце⁹⁴, а то и раньше, причем, не имея достаточных сведений о географическом положении Убыхии, они имели в виду карать убыхов в районе Пезуапе и Туапсе [т.е. в Шапсугии]⁹⁵.

Когда племенная знать асадзуа узнала о нависшей над нею убыхской угрозе, то сразу же бросилась к русским генералам с воплем о необходимости немедленной военной помощи. Те, в свою очередь, приказали своим новым подчиненным собрать поголовное ополчение для отпора убыхам, а со своей стороны большое войско под командой полковника Муравьева отправили 22 мая 1841 года сушей из Гагр в укрепление Св. Духа. Весь путь этих войск по землям прибрежных асадзуа был прогулкою: племенная знать везде являлась к полковнику с выражением верноподданнических чувств, а народ, боясь убыхского набега, также не тревожил войска. Муравьеву было приказано, чтобы он «не предпринимал ничего важного против убыхов, потому что <...> всякая неудача может иметь дурное влияние на успех в землю убыхов сильной сухопутной экспедиции»⁹⁶.

Концентрация войск на Адлере [Св. Духа] оказала определенное влияние на убыхов, которые, отправив свои семьи в глубину гор, обратились к асадзуа с предложением устранить мирным путем межплеменные противоречия. Было назначено на 4 июня свидание представителей убыхов с асадзуа. Во главе асадзуаской делегации на место встречи явился со свитою сам Муравьев, что должно было придать переговорам желательный для царского правительства характер. Делегаты съехались на границе своих племенных территорий. По обычаю стороны выслали переговор-

⁹¹ *Н.В.* XIV, с. 382—383.

⁹² Акты... IX, с. 250.

⁹³ Акты... IX, с. 488.

⁹⁴ Акты... IX, с. 260.

⁹⁵ Акты... IX, с. 263.

⁹⁶ Акты... IX, с. 505—506.

щиков, а Муравьев (ставший теперь генерал-майором) передал убыхам условия из пяти пунктов: 1) дает им трехмесячный срок для принятия российского подданства, 2) в течение этого времени убыхи не должны нападать на асадзуа и проходить через их земли для набегов на Абхазию; 3) убыхи должны возвратить асадзуаских аманатов [заложников]; 4) асадзуа, со своей стороны, обязываются не нападать на убыхов в течение этих трех месяцев; 5) эти условия подлежат подтверждению обоюдной присягой; далее за этими пятью пунктами следовали обычные угрозы, что если, мол, убыхи не примут их, то царские войска разрушат их селения.

Убыхи, более или менее верно оценив ситуацию, решили не подвергаться риску и принять условия. Воля к сопротивлению несколько ослабла. Этим воспользовалась русофильская часть племенной знати, которая сразу же подняла голову. Али-Ахмет Аблагуо известил Муравьева через доверенного, что при первом же появлении царских войск в Убыхии, он, Аблагуо, присоединится к ним со всеми своими единомышленниками. Асадзуаская знать тоже оправилась и храбро настроилась против убыхской массы.

Готовясь к карательной экспедиции, генерал Анреп писал: «Убыхи будут сильно поддержаны шапсугами и абадзехами (абдзахами. — Л.Л.) <...> но без единства и всегда опасаясь за свои границы, убыхи уже не будут теми непримиримыми и отчаянными врагами, которые безнаказанно поднимали против нас все племена в этой части Кавказа <...> Уход отряда из Гагр отдаст джикет в руки убыхов, если против сих последних не будет предпринята решительная экспедиция <...> Самоуверенность убыхов начала колебаться; не надобно давать им время усилиться от какого-либо неожиданного <...> поворота дел». Анреп считает необходимым провести эту экспедицию в конце августа, а для закрепления покорности прибрежных асадзуа поставить войска на р. Мзымта, около Ахчипсоу⁹⁷.

Пока генералы заранее предвкушали победу и делили шкуру неубитого зверя, широкие слои убыхского народа не падали духом. 22 июля 1841 года асадзуаская племенная знать донесла генерал-майору Муравьеву, что на Сочи собралось много убыхов и число их непрерывно увеличивается. Собирающаяся партия имеет целью бомбардировать из своих пушек Навагинское, а если почему-либо предприятие окажется неудачным, то двинуться к Адлеру для нападения на находившийся там отряд Муравьева. Получив эти известия, Муравьев 23 июля отправил на р. Хоста 5 рот с приданными им 6-ю единорогами. На другой день утром из-за реки раздались несколько выстрелов, убивших одного солдата. Муравьев явно струсил и приказал отряду отступать на Мзымту.

В это время убыхи 25 июля совершили нападение на команду, прикрывавшую порционный скот Навагинского укрепления. В ночь на

⁹⁷ Акты... IX, с. 508–510.

26 июля Навагинское было обстреляно ружейными залпами. Сделав на командующей над Навагинским высоте несколько амбразур, убыхи 28 июля дали 11 орудийных выстрелов. 29 июля, несмотря на прибытие с Адлера Муравьева с отрядом, убыхи открыли ожесточенную канонаду, выпустив 70 снарядов. Ни одно их ядро, ни одна граната не пролетели мимо укрепления, — очевидно, за это время убыхи уже достаточно усвоили технику артиллерийской стрельбы. Артиллерия их противника, в свою очередь, вела усиленную канонаду и заставила замолчать одно из четырех убыхских орудий. 30 июля с Адлера прибыли главные силы, предназначенные для «наказания» убыхов. Они же в этот день еще увеличили силу огня своих пушек — было выпущено убыхами 97 снарядов. Их меткий огонь причинял большие разрушения в укреплении. Ядрами насквозь пробивались строения, загорелись провиантные склады, взлетел на воздух передний блокгауз от гранаты, угодившей прямо в зарядные ящики, от чего возник второй пожар. Эти три дня убыхи ни разу не ходили на приступ. Это было героическое состязание четырех, а потом трех убыхских пушек со значительным количеством артиллерии Навагинского укрепления. 30 июля убыхи прекратили бой. Их численность на горе у пушек постепенно уменьшалась, а когда ядрами были попорчены щеки их амбразур, то убыхи после полудня прекратили огонь, свезли свои пушки в удаленные ложины и разошлись по домам. Потери войск в Навагинском за три дня исчислялись [кроме больших разрушений в самом укреплении] восемью убитыми, четырнадцатью ранеными и несколькими контуженными офицерами.

Племенная знать прибрежных асадзуа, узнав о том, что убыхская партия на Сочи наконец разошлась, снова возвратила с гор свои семьи, которые были отправлены туда во время сбора убыхов. По словам асадзуаской знати, убыхское ополчение «было так велико, как никогда еще прежде».

29 июля азовские казаки разбили турецкую торговую кочерму, приставшую у Мамая⁹⁸.

Вскоре после описанных событий 1000 убыхов скрытно пробрались через земли асадзуа и, напав на Абхазию, сожгли несколько селений. Они прошли двумя тропами мимо Гагр через поросшее лесом ущелье р. Жоабзе. Этот переход был очень трудным и возможным лишь в одном месте, находившемся вне действительного огня артиллерии Гагр. Гарнизон Гагр, хотя и видел убыхов, но не решился выйти за ворота. Последствием этого похода явилось сооружение башни, около р. Жоабзе, которая должна была запереть на будущее проход убыхов на Абхазию.

Тогда же была совершена удивительно отважная попытка завладеть Головинским укреплением. Около 2000 убыхов незаметно укрылись в ложине на северо-восток от укрепления. Зная, что днем ворота были не-

⁹⁸ Акты... IX, с. 511–513; *Н.В.* XIII, с. 410–415.

заперты, два десятка конных в полдень понеслись берегом моря мимо одного из блокгаузов к воротам. Храбрецы думали ворваться в них и поднять панику внутри укрепления, пользуясь которой убыхская пехота сделала бы открытое нападение. Но ворота на этот раз оказались запертыми. Когда джигиты это увидели, то, пустив что есть силы своих лошадей, заставили их совершить безумный прыжок с гласиса через ров, на дне которого торчали заостренные палисады. Ширина рва оказалась не по силам коням, и они погибли на палисадах. Лихие всадники, не отступая от цели, бросились на эскарп и вскочили на бруствер. Все это произошло неожиданно и быстро, но гарнизон уже бросился защищаться. 20 храбрых убыхов умерли на солдатских штыках, а штурм пехоты был отражен без потерь со стороны гарнизона⁹⁹.

Таким беззаветным упорством маленький народ хотел остановить наступление царской России.

В это время в Гурии разрасталось восстание, вспыхнувшее не без влияния убыхских побед 1840 года. Генерал Анреп писал: «Невольный свидетель, я видел, как быстро разнеслась весть о восстании в Гурии по всему восточному берегу (Черного моря.— Л.Л.), какие симпатии и надежды она возбудила»¹⁰⁰.

Когда царская Россия подтягивала свои силы к убыхам, они подбадривали друг друга, призывали другие племена к оружию и грозили асадзуа полным разорением за предательство их племенной знати. Среди самих асадзуа не было единства в отношении к захватчикам. Угрозы убыхов усиливали позиции антироссийски настроенных. Убыхо-асадзуаское население общества Хамыш и ближайшее к нему асадзуаское общество Арт стали выказывать явную враждебность по отношению к царским войскам. Вся ситуация требовала от царского командования скорейшего выступления давно задуманной карательной экспедиции в Убыхию.

К этому времени было задушено восстание гурийских крестьян, и царское правительство, наконец, приступило к давно задуманному предприятию. Из Гагр берегом моря тронулась длинная колонна войск. О количестве их можно составить мнение из походного порядка, между Адлером и Сочи. Авангард составляли: 2 батальона пехоты, 100 казачьих пластунов, команда саперов, пешая гурийская и мегрельская милиции. При авангарде находились 2 горных единорога и 2 ручные мортиры. В арьергарде: 2 батальона пехоты, пешая абхазская милиция; арьергарду были приданы два единорога. Правым прикрытием служили: 2 батальона пехоты, сотня пластунов и пешая имеретинская милиция. Ядро отряда состояло из 2 казачьих полков, 3 батальонов пехоты¹⁰¹, конной

⁹⁹ Филиппсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1884. № 1–2, с. 203–204.

¹⁰⁰ Доклад начальника Черноморской береговой линии. Цит. по книге: Хачапуридзе, с. 62.

¹⁰¹ По другим данным, в отряде было не 7, а 9 батальонов пехоты. См.: Очерк положения военных дел, с. 49.

мегрельской, имеретинской, гурийской и абхазской милиции¹⁰². При ядре находились 8 горных единоголов, 2 ручных мортиры. С моря отряд поддерживался эскадрой кораблей, 12 азовскими казачьими байдаками, 4 вооруженными баркасами. При отряде были владетель Абхазии и мегрельский наместник. Командовал отрядом начальник Черноморской береговой линии, генерал Анреп. Так как в этой экспедиции принимали участие, кроме русских и украинцев, еще мегрелы, имеретины, гурийцы, сваны, самурзаканцы, абхазы и др., то солдаты называли ее «нашествием двадцати языков на землю убыхов».

Генералы не на шутку решили расправиться с убыхами. А те, прослышав о готовящемся «нашествии», стали переводить свои семьи и стада в глубину гор, а сами поголовно собираться для укрепления проходов из Адлера в Сочи. 5 октября того же [1841] года их бивуак на р. Мица [Мацеста] имел 5000 человек конных и пеших. Покорившиеся царской России асадзуа открыто вошли в сношения с убыхами, которые заявили им, что совершенно разорят их, если хоть один из них присоединится к войскам Анрепа. К убыхам спешили на помощь отдельные представители из Абхазии и Шапсуги.

Воля народа к борьбе за независимость была настолько сильна, что ни один куашха не посмел выказать своих русофильских настроений. В момент всенародного подъема они стали на сторону освободительной борьбы. Сам семидесятилетний Хаджи-Догомуко Берзек громогласно поклялся или не пропустить на убыхскую территорию войск Анрепа, или сбрить бороду и надеть женские шаровары¹⁰³.

5 октября Анреп, производя с моря рекогносцировку берега, видел, что убыхи на пространстве между Адлером и Сочи сделали во многих местах завалы из поваленных деревьев, колючего кустарника или из двойного ряда плетня, между которыми была насыпана земля и камни. За завалами были устроены окопы. Самые большие завалы видны были у устья р. Мица и на скалистых мысах между этой рекой и р. Бзугу.

Владетель Абхазии князь М. Шервашидзе, с целью отвлечь внимание убыхов, произвел с милицией ночной десант у Головинского укрепления. Он напал на три селения в 8 километрах от последнего. Но селения

¹⁰² Всего в отряде было 2870 человек милиции.

¹⁰³ Скорятин, к сообщению которого нужно отнестись с большим недоверием, рассказывает об этом следующее: «Хаджи-Берзек выехал навстречу нашим войскам для переговоров, надеясь отклонить генерала от нападения <...> Видя, что генерал не склоняется на его доводы, Хаджи-Берзек представил те страшные препятствия, которые отряд встретит, в мужестве убыхов, поклявшихся биться до последней капли крови. Глотая землю и целуя шашку, он клялся, что не пропустит русских <...> Воротясь <...> Хаджи-Берзек держал речь в народном собрании: “Не отступлю, убью жен и детей моих, чтоб не достались русским, сам паду на завале, но не отступлю!”», восклицал и выхватил шашку и махнул ее на свое семейство. Убыхи, стоявшие в задних рядах <...> приняли этот жест за знак избивать свои семьи и, говорят, бросились резать своих жен и детей». Май, с. 307.

оказались пустыми, и М. Шервашидзе ограничился сожжением их и возвратился назад без добычи и без преследования. Было ясно, что убыхи, отправив семьи и имущество в дальние горы, поголовно собрались между Адлером и Сочи для достойной встречи своего врага.

В ночь на 8 октября весь экспедиционный отряд Анрепа выступил из Адлера по направлению к Сочи. До границы убыхов путь был пройден без единого выстрела — асадзуа не тронули войск. На горе за р. Хоста авангард наткнулся на первые завалы, за которыми находились небольшие передовые силы убыхов. Завалы были взяты обходным движением одного батальона и пешей абхазской милиции. Убыхи, оставив завалы, обратились против батальона и абхазов. Хотя убыхов было значительно меньше, но они оказали настолько сильное сопротивление с переходом в контратаку, что действовавшие против них войска не только не могли продолжать наступление, но готовы были показать тыл. Лишь после присылки нового батальона наступление возобновилось. Убыхи перерегивали путь деревьями, укрываясь за которыми, держались сами до последней возможности. Вторая линия завалов была с боем взята при совместном действии авангарда и бокового прикрытия. Большое сражение произошло у устья р. Агура, правый берег которой был занят группами убыхов. Лишь после отчаянного сопротивления они сдали свою позицию войскам Анрепа, которые расположились здесь на ночевку. За день экспедиционный отряд потерял 26 человек убитыми [в том числе, представителя цебельдинской племенной знати — Зисхана Маршаниа] и 61 человек ранеными. В то время, когда войска располагались лагерем на р. Агура, в тылу, в 5 километрах от них, стоял 8-тысячный лагерь асадзуа. Они не хотели первыми нападать на отряд, но, если бы ему пришлось отступать, то асадзуа решили соединиться с убыхами и отрезать ему путь к отходу.

На другой день [9 октября] отряд Анрепа выступил дальше. На горе против правого берега р. Агура убыхи атаковали батальон и две роты мегрелов. Бой оказался упорным. Со всех сторон сбегались убыхи к месту сражения. На помощь к наступающему батальону и мегрелам были посланы еще один батальон и часть пешей милиции, после чего лишь и удалось оттеснить убыхов. По обоим берегам р. Мица [Мацеста] были сооружены большие и крепкие завалы. Морская флотилия после упорной артиллерийской канонады выбила из-за них убыхов. Но стоило только замолкнуть орудиям, как они снова заняли свои завалы. Тогда при поддержке горной артиллерии войска Анрепа пошли на приступ. После рукопашного боя убыхи, не устояв против численно большего противника и его огневых средств, вынуждены были оставить завалы. Вся остальная часть дня была непрерывным боем, с которым убыхи отдавали каждый метр своей земли. В одном месте, где горы подходят прямо к морю, убыхи

хи преградили противнику путь двумя большими поваленными деревьями. За ними убыхи удерживали напор войск в течение трех часов. Войска за день не проделали и трех километров и остановились на ночевку за р. Мацеста. Во время приготовления к ночлегу авангард был неожиданно обстрелян из-за укрытого в лесу завала. Убыхи вынуждены были оставить завал, когда попали под двойной огонь авангарда и головы правого прикрытия [с тыла]. Пользуясь темнотой, два батальона заняли покинутые завалы. За этот день экспедиционные войска потеряли: 37 человек убитыми и 135 ранеными; кроме того, было убито 19 лошадей.

10 октября началось сильным ружейным огнем убыхов по всей линии правого прикрытия войск Анрепа. Ночью убыхи стянули свои силы на этом участке. После упорного рукопашного боя убыхов выбили из очередного на пути завала, но они, засев за другой, лишь увеличили силу своего огня. Опять был упорный бой, закончившийся отступлением убыхов лишь после атаки их противника. За этим завалом была долина, и поэтому по условиям местности убыхи снова перенесли свой удар на правое прикрытие, против которого пошли в решительную атаку. «Вероятно немногим на Кавказе удалось слышать такой батальный огонь горцев, какой убыхи открыли по всей линии, прежде чем бросились в шашки», — писал генерал Анреп. В атаку вел убыхов сам Хаджи-Догомуко Берзек, думавший стремительным напором прорвать боковое прикрытие. Атака была отражена, но убыхи собирались к новому приступу. В это время два батальона, сделав обходное движение, зашли в тыл убыхам и открыли по ним огонь с тыла и с фланга. Трехсторонний огонь предупредил атаку, но еще не обратил убыхов в бегство. Они отступили не сразу, но все же отступили, оставив на месте своих убитых. Разгоряченный Хаджи еще раз бросался вести единоплеменников на новую атаку, но его удержали. Неудача боя деморализовала значительную часть горцев, и поэтому недовольный сражением Хаджи-Догомуко Берзек сказал: «Теперь дерись, кто хочет, а я еду домой». Войска понемногу продвигались вперед. Количество убыхов против правого прикрытия поредело, и они ограничивались только стрельбой, не прибегая к атакам. Последний серьезный бой произошел на выступающем в море мысе, что в полукилометре не доходя до устья р. Бзугу. Там группа убыхов упорно защищалась за большим завалом. Прежде чем пойти на приступ, войска Анрепа повели артиллерийскую подготовку. Атака двух рот лишь после упорного сопротивления закончилась падением завалов. В это время сопровождавшая эскадра обстреливала из морской артиллерии долину р. Бзугу, где раньше находился бивуак убыхского сбора. Долина р. Бзугу стала свободна, и экспедиционный отряд смог продолжать свой путь до самого Навагинского укрепления почти без всякого сопротивления со стороны убыхов. Они, рассеявшись по лесу, вступали в единичную

перестрелку с правым прикрытием. Подойдя к укреплению, войска стали лагерем на ближайшей горе. За этот третий день пути они потеряли 64 человек убитыми и ранеными — 230 человек; кроме того, было убито 10 лошадей.

Таким образом, всего за 3 дня войска Анрепа имели: 129 убитых и 526 раненых, плюс 29 убитых лошадей. Что касается убыхов, то их потери были не меньшими, а, кажется, даже большими, так как огневое и тактическое превосходства противника давали возможность последнему сильнее поражать убыхов. По сведениям, весьма ненадежным [кажется, сильно преувеличенным] убыхские потери за 3 дня выражались в 1700 чел. убитых и раненых. Известно, что в одном только роде Берзеков было убито 11 человек, а в числе тяжело раненных был сын Хаджи-Догомуко¹⁰⁴; «в другой главной фамилии Дзиаш» [Дзепш] — 7 убитых, а в числе тяжело раненных — один из крупнейших убыхских деятелей того времени Состангул. Много легло головами влиятельных представителей племенной знати и храбрейших джигитов, которые по обычаю, были всегда впереди.

Убыхи дорогою ценою продавали врагу каждый шаг своей территории. Мы приведем некоторые картины из сражений в течение этих трех дней. «На завале один убых, будучи ранен пулею в правую руку, схватил кинжал в левую и бросился на наших солдат <...> В это время другая пуля пронизала его в ногу; он упал, но пополз навстречу нашим и швырнул в батальон своим кинжалом. Двое других <...> видя, что уйти некуда, бросились в море и спрятались под водою так, что на поверхности оставалось только лицо, чтобы можно было дышать <...> Их увидели <...> и послали шлюпку, чтобы взять в плен <...> Они утопились, когда приблизилась лодка».

Анреп, еле добравшись с экспедиционным отрядом до Сочи, не думал продолжать продвижение в глубину Убыхии. Целый месяц отряд простоял на месте. В 3 км от него происходило народное собрание убыхов. Число последних достаточно напуганный Анреп приводил в 8000 чел. Убыхи пригласили абдзахов и шапсугов. От первых прибыло человек 5, а от вторых — около 90. Не было единства ни между делегатами племен, ни между самими убыхами. Межплеменные противоречия переплелись со все нарастающим антагонизмом между вагышами, настроенными за всенародную войну с царской Россией, и русофильским большинством куашха. Когда среди шума народного собрания представители Верхней Убыхии решительно потребовали от абдзахов и шапсугов военной помощи, то последние ответили отказом и покинули собрание. Покинули

¹⁰⁴ М.Ф. Федоров же передает несколько иначе: «Убыхский старшина Хаджи-Берзек, 70-летний старец, потерявший в последние два дня из 9 своих сыновей четырех убитыми; остальные, израненные, принесены в отцовский дом» [с. 213. Версия М.Ф. Федорова менее надежна.]

убыхов и нагорные асадзуа [ахчипсоу и айбга], бывшие до сих пор заодно с ними.

Тем временем М. Шервашидзе, выполнявший роль проводника колониальной политики царской России на Западном Кавказе, всеми мерами изощрялся, чтобы усилить ликвидаторские настроения среди убыхских куашха. Владетель Абхазии, князь М. Шервашидзе, вынашивал заветную мечту объединить все черноморское побережье на северо-запад от Абхазии под своей властью [конечно, в рамках российской государственности]. Хаджи-Догомуко Берзек несколько раз сам являлся к русским аванпостам для переговоров. Другие приезжали в лагерь по два и по три раза на день. Они просили времени для того, чтобы склонить свой народ к покорности, говорили о невозможности выдать аманатов, так как, по условиям социального строя убыхов, их пришлось бы брать по одному от каждого рода. Они же подчеркивали, что племенная знать потеряла свое влияние на народ. Они просили годичный срок для ознакомления с русскими, которых, мол, в течение его не тронут. Некоторые договаривались даже до того, что соглашались слушаться того пристава, которого им назначит царское правительство.

Пользуясь внутренней борьбой среди убыхов и не решаясь в то же время продолжать свою карательную экспедицию, месячное пребывание больших войск на Сочи царское командование использовало для сооружения башни на командующей над укреплением высоте. Эта башня должна была препятствовать убыхам обстреливать Навагинское из пушек. Ни войска Анрепа не задевали убыхов, ни убыхи не нападали на них. Лишь изредка мелкие группы убыхов вступали в перестрелку с милиционерами. Сами эти стычки происходили лишь из-за желанья отбить лошадей. Так, 23 октября убыхи угнали 3 коня имеретинской милиции. На другой день имеретинцы подстрелили 4-х убыхов, из которых один был из рода Берзеков. 25 числа самурзаканцы устроили засаду, но были открыты убыхами и потеряли одного убитого. За все время постройки башни убыхи вывели из строя одного убитого и четырех раненых.

Не трогая экспедиционного отряда из-за противоречий внутри собственного общества, убыхи в то же время не боялись соседства этого отряда, так как хорошо понимали, что без морской артиллерии Анреп не решится вступить в глубину ущелий. Хаджи-Догомуко Берзек, например, просто издевался над отрядом. Он говорил своим одноплеменникам: «Вы замечаете медленность русских, — они дожидаются, что их государь пришлет им награды и корабли, на которых они поплывут по нашим ущельям с большими пушками. Пусть стоят, — говорил он, — нам меньше будет работы; с помощью аллаха, если они не перемрут все здесь, так половина их убавится от болезней». Не трогали убыхи своего противника, когда он и лошадей своих отправил берегом в укрепление Св. Духа,

и когда, построив башню, 8 ноября экспедиционный отряд отплыл из Сочи.

Так закончилось «нашествие двадцати языков на землю убыхов». Долго и много готовилось царское правительство к осуществлению своей карательной экспедиции. А какие же результаты она принесла? Было убито и искалечено несколько сот убыхов, построена башня у Навагинского укрепления, лишили убыхов их миниатюрной артиллерии [3 пушки были заклепаны, а 4 взяты в качестве трофеев]. Это все, чего добилось царское правительство от своего «нашествия». Но этот малый результат был куплен очень дорогой ценою: 131 человек убитых 534 раненых [к этому нужно добавить немалое количество унесенных в могилу малярией] и огромная сумма материальных издержек. Мы должны констатировать, что экспедиция не оправдала себя. Потерь много, а эффект маленький. Среди убыхов же еще больше укрепилась вера в невозможность проникновения царских войск в их ущелья. Не были убыхи разбиты и морально, наоборот — они ждали лишь удобного времени для новых контратак на врага и своей решимостью продолжать освободительную борьбу даже влияли на шапсугов и натхуаджей, имевших, было, склонность завязать мирные сношения с противником. И если авторы, принадлежавшие к официальной прессе [например, Головин, Васильев], делали вид, что довольны результатами экспедиции Анрепа, то другие, незаинтересованные в замазывании фактов, прямо указывали: «мы <...> кончили знаменитую экспедицию, <...> которая не принесла никакой пользы, разорив казну расходом <...> и уронив в глазах горцев достоинство русского оружия» [М.Ф. Федоров]¹⁰⁵.

Убыхское собрание на Сочи разъезжалось. Небольшая группа [менее 100 чел.], состоящая в большинстве из конных верхних убыхов, скрытно от асадзуа ночью пробралась берегом моря к Адлеру и напала 5 сентября 1841 г. на команду лесорубов, высланную из укрепления Св. Духа. Убыхи своей неожиданной атакой опрокинули численно превосходящего противника. Команда панически бежала к укреплению. Убыхи преследовали бегущих до тех пор, пока из укрепления не подоспела помощь. В результате этого молодецкого дела убыхов, противник потерял: 21 чел. убитыми (в том числе подпоручика, начальника команды), 9 тяжело раненными и 14 чел. пропало без вести (очевидно, уведено в плен)¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Акты... IX, с. 296, 513-523; Акты... XII, ч. 3, с. 746; *Васильев Е.*, с. 18 и др.; *Федоров М.Ф.*, с. 207–216; *Филипсон*, I, с. 214–216 и след.; *Скорятин*, май, с. 306–308; Очерк положения военных дел на Кавказе, с. 49–51; *Н.В.* XIV, с. 303–332, 335, 336, 338, 339.

¹⁰⁶ Акты, IX, с. 525; *Федоров М.Ф.*, с. 216.